

ВЛАСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ЮРИДИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

© 2009 г. К.А. Солодухин¹

В отечественной юридической науке, как и в российской политике последних лет, достаточно отчетливо проявляется стремление к поиску простых ответов на сложные вопросы. Например, С.С. Алексеев определяет власть как «отношения господства и подчинения, при которых воля и действие одних лиц (властвующих) доминируют над волей и действиями других лиц (подвластных)». По мнению В. Корельского, «государственная власть – это концентрированное выражение воли правящих социальных групп». В данном контексте весьма актуальным для исследований становятся рассмотрение самого феномена власти, его исторический генезис и определение этого сложного социального явления.

Суть этого явления в том, что оно своим возникновением предшествует и государству и, соответственно, политической жизни общества. Первое проявление власти, вероятно, можно отнести к первобытному устройству жизнедеятельности людей. Представляется, что именно на этом этапе появились не только власть как определённый механизм общения между людьми, регуляции и организации взаимодействия людей, но также такие явления, которые описываются современной терминологией, как «суверен», «представитель (носитель) власти» и т.д. Созданные в самом рассвете жизнедеятельности человека определённые культурные нормы и в их рамках определённые принципы мышления и деятельности способствовали персонификации сил, действующих на человека. Следует отметить, что созданная уже в племенных образованиях властная схема «субъект – объект» становится неким «архетипом власти», который как стержень пронизывает каждую эпоху. Эта властная схема как определенная интенция мышления воспроизводилась и конструировалась сызнова, принимая то содержание властных отношений, которое было свойственно тому или иному этапу развития. Так, например, в племенной организации жизнедеятельности человека субъект был растворён в природе и приписывался определённому её проявлению, где человек выступал как объект действий этих сил. Шаманы и старейшины выступали особыми связующими звеньями между объектом и субъектом, легитимируя свое право на управление, наложение санкций и разрешение конфликтов.

Первый интерес к власти, ее сущности и социальной значимости (*social value*) и, соответственно, к её научному рассмотрению и объяснению появляется еще в Древней Греции, Индии и Китае. Содержание отдельных фрагментов древних текстов наталкивает нас на мысль, что власть понималась как определённое средство (инструмент) достижения гармонии (Конфуций), идеального государства (Платон, Аристотель) или для преодоления социального хаоса (Мао-Цзы).

Этот инструмент всегда приписывался четко определённой субъекту (носителю, атрибуту власти). В основе концепций и трактатов мыслителей того времени лежала «забота» о том, кто должен быть сувереном, обладающим единой властью, как его воспитать и каким образом он ею (властью) должен распоряжаться. Происхождение власти в большинстве случаев объяснялось или божественной природой, или договорной теорией. В основном древнегреческие философы, «называя свои работы “Политик” или “Политика”, в центр внимания выдвигали не политику, как таковую (в её современном понимании), а власть. Кстати говоря, политику они и понимали как власть»².

Первым, кто дал истоки становления науки о власти как самостоятельной отрасли знаний, имеющей собственный предмет анализа – власть, сделал методологические зарисовки, с помощью которых должна изучаться власть, был Макиавелли. Так, с его точки зрения, методами исследования должны являться: наблюдение и сравнение, которые затем дают пищу для теоретического осмысления и конструирования государственных концепций. Без сомнения, можно сказать, что дальнейшее развитие кратологической мысли идет именно от Макиавелли. В частности, после него рассмотрение власти переносится с божественного на ее социальное проявление как сферу взаимодействия людей, руководствующихся собственными интересами.

Современная дискуссия о власти разворачивается в 50 – начале 60-х годов прошлого столетия. В работах ученых анализ понятия власти уже становится всесторонним, систематизированным, превращаясь в важнейший элемент исследования властных отношений в обществе и его отдельных сферах.

Сведение власти к ее поведенческим, непосредственно обозреваемым формам стало объектом критики со стороны американских исследователей П. Бэрэка и М. Бэрэтца, чей вклад в развитие представлений о власти ассоциируется с идеями «непринятия решений», «мобилизации склонностей» и «вторым лицом власти». Власть может осуществляться как в условиях открытого конфликта при принятии решений, так и «путем ограничения сферы принятия решений относительно “безопасными” проблемами», «второе лицо власти проявляется в ситуациях “непринятия решений”»³.

П. Бэрэк и М. Бэрэтц предложили считать власть лишь одной из форм успешного контроля (вместе с силой, влиянием и авторитетом). При этом следует отметить, что они не относят силу, авторитет, влияние или манипуляцию к формам власти. В отличие от других исследователей, которые счита-

¹ Аспирант кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, юрисконсульт ООО «Управляющая компания “ARSIB Holding group”»

² Халитов В.Ф. Кратология как система наук о власти. М., 1997. С. 36.

³ Bacharach P., Baratz M.S. Power and Poverty: Theory and Practice. New York–London, 1970. P. 6.

ют, что политические решения формируются исключительно на основе осуществления власти, П. Бэрэк и М. Бэрэтц указывают, что подчинение может быть достигнуто путем осуществления любой из возможных комбинаций власти, авторитета, влияния и силы, т.е. рассматривают власть как один из видов успешного контроля, одновременно подчеркивая, что власть является главным способом обеспечения непринятия решений. По их мнению, власть не является принадлежностью субъекта, а представляет собой отношение между субъектом и объектом, поэтому ее успешное осуществление зависит от сравнительной значимости конфликтных ценностей в сознании объекта. Конфликт интересов, или ценностей, – обязательное условие власти, так как при наличии у субъекта и объекта общих целей действия объекта будут добровольными. В этой ситуации следует говорить не о власти, а об авторитете⁴. Власть существует и тогда, когда субъект осуществляет ее неосознанно или где осознанное осуществление власти вызывает ненамеренные последствия.

С помощью понятий зависимости и обмена популярность получили концепции власти. Оставаясь в целом в рамках традиции М. Вебера, П. Блау, Дж. Хоманс и Дж. Зибарт предложили несколько иное объяснение власти и механизма ее функционирования. Власть рассматривается в терминах экономического анализа, фокусирующего внимание на выгодах и издержках, получаемых акторами в процессе их взаимодействия. Постструктуралистические (или неоструктуралистические) концепции “археологии и генеалогии власти” М. Фуко и “поля власти” объединены не субстанционально-атрибутивным, а скорее реляционным видением власти как отношения и общения. По М. Фуко, власть представляет собой не просто отношение субъектов, а своего рода модальность общения, т.е. “отношение отношений”, персонифицированное и неовещественное, поскольку его субъекты находятся каждый момент в постоянно изменяющихся энергетических линиях напряжений и соотношениях взаимных сил. Бурдье обосновывает собственное понятие “символической власти”, которое сводится им к совокупности “капиталов” (экономических, культурных и т.д.), распределяющихся между агентами в соответствии с их позициями в “политическом поле”, т.е. в социальном пространстве, образуемом и конструируемом самой иерархией властных отношений.

Масштабы отношения объекта к субъекту властвования простираются от ожесточенного сопротивления до добровольного, воспринимаемого с радостью повиновения. В принципе подчинение так же естественно присуще человеческому обществу, как и руководство. Готовность к подчинению зависит от ряда факторов: от собственных качеств объекта, характера предъявляемых к нему требований, ситуации и средств воздействия, которыми располагает субъект, а также от того, как исполнитель воспринимает субъект в зависимости от наличия у него авторитета. Качества объекта властвования определяются его политической культурой. Наибольшую покорность обеспечивают патриархальные и подданныйские типы политических культур. Преобладание в обществе людей, привыкших повиноваться, жаждущих “твердой руки”, является благоприятной питательной средой авторитарных и тоталитарных режимов.

Мотивация подчинения достаточно сложна. Она может основываться на страхе, привычке к повиновению, убеждении в необходимости подчинения, авторитете, заинтересованности в повиновении и т.д. Указанные мотивы, несомненно, влияют на “силу” власти.

“Сила” власти, основанная на страхе, прямо пропорцио-

нальна тяжести наказания и обратно пропорциональна вероятности избежать его в случае неповиновения. Такая власть имеет тенденцию к ослаблению.

Сравнительно просто принимается людьми власть, основанная на привычке, обычае повиноваться. Она была присуща государству в традиционных обществах. Такая власть выступает надежным фактором стабильности до тех пор, пока не приходит в противоречие с требованиями реальной жизни. Если же это происходит, то она быстро разрушается.

Наиболее стабильной является власть, построенная на интересе. Личная заинтересованность побуждает подчиненных к добровольному выполнению распоряжений, делает излишними контроль и применение негативных санкций. Она способствует развитию у людей других типов мотивации подчинения: на основе убежденности, авторитета и идентификации. Такое подчинение связано с мотивационным воздействием достаточно глубоких слоев сознания: менталитета, ценностных ориентаций и установок. Убежденность людей в необходимости подчиняться государству или другому носителю власти ради высоких целей – важный источник силы власти.

Одной из наиболее благоприятных для власти мотиваций подчинения является авторитет. Он формируется на базе общей заинтересованности объекта и субъекта власти и убежденности подчиненных в особых способностях руководителя. Авторитет представляет собой высоко ценимые качества, которыми подчиненные наделяют руководителя и которые детерминируют их повиновение без угрозы санкций или убеждения. Авторитет основывается на согласии, означает уважение к руководящей личности (институту), доверие к ней.

Основой власти и ее обязательным элементом является отношение зависимости, возникающее между субъектом и объектом. Его источник, по мнению теоретиков социального обмена, заложен в неравном распределении материальных, социальных, духовных и политических ресурсов, которое ведет к неравным результатам (выгодам и издержкам) в отношении обмена между субъектом и объектом. У объекта отсутствуют необходимые ему для достижения своих целей ресурсы или же их недостаточно. Если он не может получить этих ресурсов из других источников, то он вынужден повиноваться воле субъекта, поскольку именно субъект обладает теми ресурсами, которые нужны объекту. Таким образом, зависимость возникает, когда результаты деятельности актора обусловлены не только его собственным поведением, но и действиями других акторов. Зависимость не является постоянной. Она возрастает прямо пропорционально ценности ресурсов, которыми может обеспечить субъект, и снижается по мере расширения доступа объекта к альтернативным источникам этих ресурсов. Субъект, в отличие от объекта, не зависит от ресурсов объекта или зависит от них в меньшей степени. Следовательно, власть является функцией зависимости. Способность субъекта преодолеть сопротивление объекта заложена в зависимости объекта от субъекта: чем сильнее зависимость, тем больше власти, и наоборот. Субъект обладает властью над объектом и может влиять на его поведение в той степени, в какой он может определять и контролировать ожидаемые объектом награды и издержки.

При рассмотрении власти в терминах зависимости и обмена ее результат не сводится только к контролю за поведением объекта. Часто исследователи фактически сосредотачивают внимание именно на выгодах субъекта и потерях объекта и неравном распределении благ. Распределение власти оказывается тождественным распределению материаль-

⁴ См.: ibid. P. 19, 21.

ных и социальных благ. В этом смысле обладание властью и осуществление власти фактически могут иметь место и без повиновения объекта субъекту.

Одной из наиболее разработанных концепций власти является концепция П. Блау – крупнейшего теоретика социального обмена. Он считает власть разновидностью социального обмена, определяя ее как “способность индивидов или групп навязывать свою волю другим вопреки их сопротивлению с помощью угрозы наказания или отказа в регулярных вознаграждениях, поскольку первое, как и второе, выступает в качестве негативных санкций”.

П. Блау ограничивает власть сферой негативных санкций, при этом подчеркивая, что последние не сводятся к физическому принуждению или угрозе его применения.

В настоящее время наблюдается всплеск интереса к власти. В огромном массиве публицистической и научной литературы можно найти самые разные трактовки и подходы к определению сущности власти. Такая потребность объясняется тем, что, во-первых, современный кратологический дискурс привел к накоплению различного рода материала, делающего понятие власти трудноуловимым и спорным. Эта аморфность приводит в научных кругах к расхождению по поводу объекта анализа. Во-вторых, в постоянно усложняющихся социальных отношениях на второй план стали отходить репрессивные техники власти, все больше власть становится анонимной и невидимой, где анализ ее старыми субъектно-ориентированными методами не позволяет постичь всей многомерности этого явления. В-третьих, выработка механизмов подконтрольности и эффективности деятельности власти и т.д. Таким образом, реальность ставит перед нами ещё больше задач, чем ответов.

Можно смело предположить, что данные дискурсы власти, несмотря на все их противоречия, нуждаются в систематизации накопленного материала, его последовательном осмыслении и соотнесении с реальностью.

Среди исследователей, оказавших существенное влияние на развитие представлений о власти, следует указать Д. Ронга. Он рассматривает “власть” как диспозиционное понятие, т.е. характеризует ее как возможность, способность, потенциал, который может быть реализован (а может остаться и нереализованным) в действии. Однако в отличие от многих других попыток определить власть в диспозиционных терминах он подчеркивает реляционный характер власти, избегая рассмотрения ее как “заклученной в самом субъекте власти, откуда она воздействует на других людей”.

Д. Ронг проводит четкое различие между “властью” и “ресурсами власти”, “властью как потенциалом” и “потенциалом для власти” (“латентной властью” и “возможной властью”). Это различие особенно важно в политическом анализе, касающемся взаимоотношений между социальными группами и затрагивающем проблемы мобилизации коллективных ресурсов в осуществлении власти, которая, как он утверждает, может быть и актуальной, и потенциальной. Д. Ронг подчеркивает, что игнорирование различий между возможной властью (возможностью обладания властью) и реально существующей является “классической ошибкой в политическом анализе”.

Д. Ронг строит свое определение власти на определении Рассела, модифицируя его следующим образом: “власть – это возможность индивидов и групп оказать намеренное и предвиденное воздействие на других индивидов и групп”. Он отмечает, что “власть” следует отличать от “контроля” и “влияния”. Это обуславливает необходимость ограничения

“власти” намеренным и эффективным (результативным) контролем над объектом. Вместо того чтобы отождествлять власть со всеми формами влияния, следует просто подчеркнуть, что “намеренный контроль нередко формирует отношения, в которых субъект власти осуществляет ненамеренное влияние на объект, идущее гораздо дальше того, что он мог изначально пожелать или вообразить”.

Власть как общая способность и власть как конкретная способность не обязательно соответствуют друг другу: можно иметь громадную власть как общую способность и одновременно весьма ограниченную власть как конкретную способность и наоборот. Исследователи могут интересоваться оба вида власти. В одних случаях (например, власть “структурных подразделений”, их формальные ресурсы и возможности обеспечить подчинение людей в каких-то отношениях) нас фактически интересует власть в общем смысле, в других – власть различных партий и политических организаций в представительных органах, которая непосредственно основывается на их сравнительных возможностях и степени взаимозависимости, – власть как конкретная способность.

Появление альтернативных концепций (Т. Парсонс, М. Фуко), а также усилившаяся критика позитивистской методологии, на которой главным образом и основывались исследования 50–60-х годов XX в., вызвали тенденцию к пересмотру ряда традиционных элементов в концепции власти. Отдельные исследователи отказались рассматривать власть как предполагающую обязательный конфликт, репрессии и действия против интересов объекта. Например, Д. Ронг к формам власти в числе прочих отнес убеждение, побуждение и манипуляцию. Д. Болдуин предложил не ограничивать власть исключительно негативными санкциями, но рассматривать подчинение на основе позитивных санкций как форму власти. Э. Гидденс определяет власть как способность достичь определенного результата независимо от того, связано это с интересами объекта или нет.

В настоящее время в теории в большей степени разработаны системная и структурно-функциональная концепции власти, связанные прежде всего с работами Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда, М. Крозье и др.⁵ По мнению Т. Парсонса, власть представляет собой особенное интегративное свойство социальной системы, имеющее целью поддержание её целостности, координацию общих коллективных целей с интересами отдельных элементов, а также обеспечивающее функциональную взаимозависимость подсистем общества на основе консенсуса граждан и легитимации лидерства⁶.

К числу наиболее влиятельных подходов к определению власти относится и концепция власти Р. Даля, определяющая власть как контроль за поведением.

В отличие от некоторых исследователей, допускающих существование властных отношений в животном мире и даже в неживой природе (Э. Голдвин, К. Гибсон и др.), Р. Даль использует понятие власти только для характеристики отношений между людьми: “Хотя в разговорной речи термин охватывает отношения между людьми и другими одушевленными и неодушевленными предметами, мы полагаем необходимым ограничить его отношения между людьми... Акторами могут быть индивиды, группы, роли, учреждения,

⁵ См.: Власть. Очерки современной политической философии Запада. С. 173.

⁶ См.: *Parsons T. Polity and Society // Politics and Social Structure*. New York, 1969. P. 103.

правительства, национальные государства или другие объединения людей”⁷.

Трудно выделить и классифицировать все заслуживающие внимания концепции власти, поскольку различия между ними можно провести по нескольким основаниям. Тем не менее (и с этим соглашается большинство исследователей) в концептуальном анализе власти довольно отчетливо просматриваются две основные традиции.

Первая – “секционная (групповая) концепция власти”, или “традиция Реализма”, идущая от Т. Гоббса и М. Вебера, представлена в работах Х. Лассуэлла и Э. Кэплэна, Р. Даля, Д. Картрайта, С. Льюкса, Э. Гидденса и др. Власть рассматривается здесь как асимметричное отношение, включающее актуальный или потенциальный конфликты между индивидами. Она возникает в тех социальных взаимоотношениях, где один из субъектов обладает способностью воздействовать на другого, преодолевая его сопротивление. Власть концептуализируется как власть над кем-то, как “отношение нулевой суммы”, т.е. возрастание власти одних индивидов и групп означает уменьшение власти других.

Вторая традиция – “несекционная концепция власти” – отвергает идею “нулевой суммы”, допуская, что власть может осуществляться к всеобщей выгоде. В данной традиции она рассматривается как коллективный ресурс, как способность достичь какого-то общественного блага; подчеркивается легитимный характер власти, ее принадлежность не отдельным индивидам или группам, а коллективам людей или обществу в целом. Современными представителями этой традиции, корни которой восходят к Платону и Аристотелю, являются Т. Парсонс, Х. Арентс и в какой-то мере М. Фуко⁸.

Представляет интерес психологическая теория Н.М. Коркунова, который признает государственную власть не единственной властвующей в государстве волей. Властвование само по себе – явление вторичное, порожаемое сознанием зависимости, которое представляет первоначальную реакцию человека. Государственная власть – сила, обусловленная общим сознанием⁹.

Власть никогда не является свойством или отношением лишь одного действующего лица (органа). Власть всегда двустороннее, асимметричное, с доминированием воли властителя взаимодействие с субъекта и объекта. Она невозможна без подчинения объекта. Если такого подчинения нет, то нет и власти, несмотря на то что стремящийся к ней субъект обладает ярко выраженной волей властвования и даже мощными средствами принуждения. В конечном итоге у объекта властной воли всегда есть пусть крайний, но все же выбор – погибнуть, а не подчиниться. Осознание зависимости власти от покорности населения нашло свое практическое политическое выражение в акциях гражданского неповиновения, что широко используется во всем мире.

Н.М. Коркунов определял государственную власть как силу, обусловленную сознанием гражданами их зависимости от государства, порождающую в общественной жизни своеобразные явления двойного рода. Во-первых, она побуждает граждан совершать то, что они считают необходимым для государства, от которого сознают себя зависимыми. Во-вторых, граждане подчиняются велениям отдельных

лиц, признаваемых органами государственной власти¹⁰. Характеристика государственной власти как силы, способной подчинять, верна потому, что организующее воздействие государства не может осуществляться, опираясь лишь на убеждение. Реализация власти (силы) предполагает деятельность специально уполномоченных лиц (органов), которая осуществляется посредством издания общеобязательных велений. Властью “распоряжаются”, а значит, в таком контексте речь не идет об отождествлении органа с властью. Вместе с тем можно сделать и противоположные выводы. Н.М. Коркунов отмечал: “Так как то, что выполняется органом, называется вообще его функцией, то и те акты власти, на осуществление которых имеет право данный орган власти, также именуются функциями органа власти, а вне отношения к тому или другому отдельному органу, их осуществляющему, они именуются просто функциями власти подобно тому, как и все вообще функции, осуществляемые отдельными органами живого...”¹¹. Подчеркнем, что автор, не отождествляя власть с органами государства, отмечает, что власть проявляется в принуждающем воздействии и осуществляется государственными органами посредством реализации функций.

Сущность взгляда Н.М. Коркунова сводится к тому, что власть не является единой властвующей в государстве волей. Она вообще есть проявление воли, так как властвовать может не только живой человек или группа лиц, но и умершие, отвлеченные идеи.

Следует отметить, что государство как целая система органов, структур, использующих самые разные ресурсы, сегодня занимает особое место в системе социальных властеотношений. Только отдельные государственные органы вправе применять насилие, обеспечивать обязательность принимаемых решений. Государство по природе своей является организацией всего общества, так или иначе отражающей различные интересы. Власть государства распространяется на всех граждан, проживающих на данной территории, независимо от вероисповедания, политических позиций, социального положения¹².

При этом государственная власть не обязательно использует принуждение для достижения своих целей. Могут использоваться идеологические, экономические и другие методы воздействия. В то же время именно государственная власть обладает монополией на то, чтобы принудить членов общества к выполнению своих намерений. Структура власти, или распределение власти, фактически является разделением права на ее использование. Когда говорят, что одно лицо обладает большей властью, чем другое, это значит, что оно имеет большую свободу действий¹³.

Власть проявляется прежде всего в деятельности государственного органа, сила которого определяется не тем, в каком направлении она осуществляется, а тем, какие возможности (полномочия) позволяют выполнять поставленные перед ним задачи. Функция (понимаемая как направление деятельности) не характеризует власть как возможность осуществлять принуждение. Можно сказать, что одной из функций государства в целом является осуществление принуждения. Однако в этом случае речь идет лишь об одном из направленных деятельности, но не о содержании власти.

⁷ Dahl R.A. Power, Encyclopedia of the Social Sciences Bd. 12. New York, 1968. P. 80.

⁸ См.: Власть. Очерки современной политической философии Запада. С. 173.

⁹ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1894. С. 243.

¹⁰ См.: там же. С. 246.

¹¹ Там же. С. 250.

¹² См.: Манов Г.Н. Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории государства. М., 1993. С. 40.

¹³ См.: там же. С. 250.

Распространенным является понимание власти как волевого отношения. Профессор В.Е. Чиркин формулирует его следующим образом: “Государственная власть – это возникающее на основе социальной асимметрии в обществе и обусловленное потребностями управления им социальное волевое отношение, в котором одной из сторон является особый политический субъект – государство, его орган, должностное лицо”¹⁴. Из данного определения следует, что государственная власть не является совокупностью органов государства, а реализуется специализированным государственным аппаратом (парламент, правительство, суды и т.д.). При этом государственная власть не сводится к аппарату принуждения: не власть принимает решения и принуждает к исполнению волевых предписаний, а ее специально образующие органы.

Представление власти в качестве объективно существующей данности не значит, что она существует как самостоятельный субъект социальных отношений. А.А. Здравомыслов предлагает следующее определение власти: “Власть не просто “отражает интересы”, она творит новые отношения, конструирует мир, модифицируя социальное пространство”¹⁵. При этом понятие власти оказывается вне пределов этических категорий, человеческого понимания, так как человек

способен уловить только следствие, а не процесс модификации. Таким образом, понятие власти выводится за пределы этических категорий, позитивных дефиниций.

Власть придает обществу целостность, управляемость, служит важнейшим фактором организованности и порядка. Иными словами, это – системообразующий элемент, обеспечивающий обществу жизнеспособность. Под воздействием власти общественные отношения становятся целенаправленными, приобретают характер управляемых и контролируемых связей, а совместная жизнь людей делается организованной и упорядоченной¹⁶. Однако особо следует подчеркнуть функциональные свойства государственной власти. В отличие от традиционно подчеркивавшейся потребности в поддержании ею общественной интеграции, думается, точнее было бы сказать о ее преобразовательном назначении. Это – мощное орудие социальных трансформаций, содержащее возможность противостояния различным видам сопротивления, противоположному влиянию объективных факторов, социокультурной среде. Именно поэтому государственная власть может не только объединять, но и дезинтегрировать общество.

Таковы основные подходы к определению и пониманию власти.

¹⁴ Чиркин В.Е. Основы государственной власти. М., 1996. С. 16.

¹⁵ Здравомыслов А.А. Власть и общество // Социальный журнал. 1994. № 2. С. 7.

¹⁶ См.: Малько А.В. Теория государства и права. М., 2000. С. 38.